

— Я буду осторожен.

Луань Лин аккуратно выбрался из-за дерева и, прижимаясь к сугробам, пополз к хижине. Пестрый черно-белый тетерев, он пока еще мог затеряться на фоне пятнистой, едва припорошенной снегом земли.

Визг бензопилы все еще доносился шагах в тридцати отсюда. Скользнув на открытое пространство перед домом, Луань Лин пересек залитый бурыми пятнами запекшейся крови пятачок земли и прижался к бревенчатой стене.

Задрав голову, он увидел висевшую прямо над ним теплую меховую куртку. Тут же, на деревянных штырях, висели ушанка и сапоги — как раз то, что нужно.

С такой одежкой ему не придется сверкать голой задницей, когда он примет человеческий облик, да и в теле птицы можно будет греться, зарывшись в мягкий мех.

Охотник возился совсем рядом, секундах в пяти бега. Мешкать нельзя: нужно прямо сейчас вернуть себе человеческое тело, сорвать куртку со стены, прихватить ружье и уносить ноги.

Луань Лин глубоко вздохнул и мысленно активировал карточку снаряжения. Мир вокруг стремительно сжался, а его взгляд взлетел вверх — он снова стал человеком. Парень мгновенно потянулся к куртке.

Но он не учел одного: прямо под курткой охотник повесил связку звериных костей. Стоило потянуть за ткань, как оберег сорвался и с глухим стуком покатился по бревнам и мерзлой земле.

Как назло, именно в эту секунду бензопила смолкла. У Луань Линя мороз продрал по коже: среди деревьев колыхнулся массивный силуэт. Охотник резко обернулся и уставился на воришку налитыми кровью глазами.

«Блядь!» — мысленно взвыл Луань Лин.

Цапнув одной рукой куртку, а другой — висевшее рядом охотничье ружье, он рванул прочь без оглядки.

— А-а-а-аргх! — яростно взревел охотник и, выкрикивая ругательства на каком-то диком, непонятном наречии, бросился в погоню.

Пролетая мимо вешалки для вяления мяса, Луань Лин зацепился курткой за острый крюк.

Сердце ушло в пятки. Он в панике дернул мех, но прочная шкура не поддалась.

Охотник был уже в каких-то десяти шагах — Луань Лин отчетливо видел его перекошенную от ярости бородатую физиономию.

"Брось куртку! Беги!" — в панике закричал в его голове Гун Чао.

Луань Лин рванул изо всех сил, сумев сорвать лишь меховую шапку, и с ружьем наперевес прыгнул в сугробы. Стоило ему босой ногой коснуться снега, как его прошиб дикий озноб. И тут до него дошло: он же действительно голый!

Птичьи перья исчезли без следа, превратив его в форменного извращенца, бегущего по сугробам в лютый мороз. Слава богу, игра расщедрилась хотя бы на казенные трусы-слипы, так что совсем уж безбожно светить своим хозяйством среди снегов не пришлось.

— Мамочки, ну и дубак! — взвизгнул Луань Лин. Ледяной ветер казался острой бритвой, срезающей кожу прямо с костей.

Мороз стоял градусов под десять. Острая боль в обмороженной коже быстро сменилась зловещим онемением, а ноги стремительно теряли чувствительность, превращаясь в непослушные бревна.

Сзади хрустел снег под тяжелыми сапогами безумного дровосека и глухо топали лапы спешащего на выручку Гун Чао.

"Еще немного! Беги вперед, не смей останавливаться!" — кричал Гун Чао.

— Бегу-у-у! — во весь голос заорал парень, с трудом переставляя окоченевшие конечности.

Тем временем серый волк уже поравнялся с преследователем.

Оттолкнувшись мощными лапами от наста, он резко сменил траекторию и с глухим рычанием бросился на верзилу, целясь прямо в незащищенное горло.

Тот оказался тертым калачом. Заметив мчащегося на него хищника, охотник наотмашь махнул ревущей пилой.

Зубья цепи, облепленные опилками и бурыми ошметками плоти, бешено вращались. Обычный зверь в ужасе поджал бы хвост и пустился наутек.

Но человеческий разум Гун Чао работал безупречно — он отлично понимал, как уклониться от

столь топорного удара.

Прижавшись к земле, он пропустил грохочущее лезвие над головой, а в следующий миг, когда занесенная рука охотника оказалась в наивысшей точке, пружиной взвился вверх. Выверенная связка из уклонения и мгновенного выпада сработала идеально.

— А-а-а-а! — взвыл мужик, когда волчьи клыки сомкнулись на его запястье. Пальцы разжались, и заглохшая пила рухнула в сугроб.

Разомкнув челюсти, волк тут же отпрянул, увернулся от тяжелого пинка и мгновенно растаял среди заснеженных елей, спеша на помощь к Луань Линю. Позади остался лишь яростно матерящийся охотник, зажимающий окровавленную руку.

Луань Лин забился в расщелину за крупным валуном. Сжавшись в комок и обхватив руками колени, он мелко дрожал. Снежинки ложились на его ресницы и даже не таяли, застывая крошечными кристаллами. Казалось, еще мгновение — и парень превратится в ледяную статую.

"Мать твою, ты почему обратно в птицу не перекидываешься?! — зарычал подбежавший Гун Чао. — Смерти моей хочешь?!"

Волк пулей подлетел к парню и изо всех сил прижался лохматым боком к его оледеневшему телу.

Почувствовав спасительное тепло, Луань Лин инстинктивно рванулся навстречу и мертвой хваткой вцепился в густую шерсть, отчаянно прижимаясь к зверю всем телом.

Густой подшерсток наконец-то укрыл его от ветра. Окоченевший, он медленно, сквозь покалывающую боль, впитывал живительный жар.

Парень запустил пальцы глубоко в мягкий волчий мех. Приятное, ласкающее ощущение немного привело его в чувство.

«Господи, до чего же кайфово тискать волка...» — пронеслось в его хмельной от холода голове, и он сам собой принялся ощупывать зверя.

Гун Чао поначалу терпел, но вскоре заподозрил неладное.

Парень сжимал объятия все крепче, а сам он начал нагло забредать ладонями в те зоны, которые трогать явно не следовало. Ладно еще мягкое брюхо, но когда ледяные пальцы

скользнули к чувствительным бокам и паху, волк вздрогнул.

Странная волна жара и щекотки прокатилась по телу зверя. В конце концов, в животном облике он тоже был, по сути, абсолютно голым. Гун Чао внезапно почувствовал себя так, словно его раздевают и бесстыдно лапают на глазах у всей тайги.

"Эй, ты куда руки суешь?! Так ты точно не согреешься! Перекидывайся обратно в птицу!" — мысленно рявкнул он, пытаясь высвободиться.

Но уйти и оставить замерзающего мальчишку один на один с морозом он так и не решился.

Луань Лин уже выл от ломоты в пальцах ног. Как бы ни было приятно тискать волка, перспектива лишиться конечностей из-за некроза его совсем не прельщала.

Он обхватил ладонями морду Гун Чао и торопливо зашептал:

— У меня есть план! Постой спокойно, не дергайся.

С этими словами он подобрал украденную ушанку и примерил ее к волчьей шее.

— Должно получиться. Если мы завяжем тесемки у тебя на шее, выйдет отличный карман, куда я смогу спрятаться в облике рябчика. Сам я за тобой по сугробам не поспею, да и замёрзну к чертям, а искать дупло уже поздно. Понесешь меня так, идет?

Возражать Гун Чао не стал и послушно наклонил голову.

Накидывая тесемки ему на шею, Луань Лин поймал себя на мысли, что словно надевает ошейник на домашнего пса — только невероятно огромного и пушистого.

Не удержавшись, он ласково потрепал волка по загривку и легонько почесал за ухом.

Волку это даже понравилось: он зажмурился и на миг довольно потянулся навстречу ласке. Но тут же опомнился, обнажил острые клыки и грозно буркнул в мыслях:

"... Слышь, полегче!"

— Тихо, тихо, хороший песик, я еще не завязал! — примирительно зашептал Луань Лин и, пока напарник окончательно не разозлился, слегка надавил ему на лоб, заставляя опустить голову.

Но стоило ему завершить это движение, как оба застыли, словно громом пораженные.

Луань Лин внезапно почувствовал, как горячее, влажное дыхание коснулось... его паха!

Парень опустил взгляд и обомлел: черный мокрый нос Гун Чао уткнулся аккурат в его тонкие плавки. Их разделяло от силы пара сантиметров!

Волк тоже слегка растерялся, скосив глаза на отчетливый бугорок под мокрой тканью.

Повисла звенящая, удушающая тишина. После долгого и вдумчивого созерцания этой выпуклости Гун Чао выдал вердикт:

"Ну... не бог вещь что, честно говоря".

— Ах ты скотина! — Луань Лин вспыхнул и со всей силы отвесил волку пинка.

Лицо его мгновенно залила пунцовая краска. Парень отпрянул назад и судорожно сжал колени.

— Ты... ты ничего не видел! Вообще ничего! — заикаясь от ярости и стыда, прокричал он. Волна жгучего смущения накрыла его с головой.

Он впервые всерьез усомнился в собственной смелости. Одно дело — безнаказанно флиртовать и сыпать пошлыми шуточками, и совсем другое — столкнуться с суровой реальностью лицом к лицу... вернее, лицом к паху. От такого накала страстей у него едва сердце не остановилось. В этот момент Луань Лин готов был сквозь землю провалиться.

<http://bllate.org/book/18183/1752014>